

Дунай Иванович (5)

(Кижское общество)

Во стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Был хорош в почине почестной пир.
Все тут на пиру были:
Были все князи, все бояра,
Все сильнии могучии богатыри,
Все паленицы удалыи.
Все были за столы посажены
И всем были кушанья налажены,
Все сидят да едят, хлеба кушают.
Солнышко-то на вечере,
Все они стали на веселее,
Они тут да поразхвастались:
Умной хвастает отец-матерью,
А безумноё-т хвастает молодой женой,
Молодой женой да неудачливой.
Тут Владимир князь стольно-киевский
Говорит-то он да таковы слова:
«Все у меня были поженены
И все у меня были повыданы,
Один у вас князь не женат,
Владимир князь да стольно-киевский.
Знаете ль вы да ведаете ль
Ему да супротивную, —
Чтоб была бы то жена ему хорошая,
Она ростом-то высокая
И саном-тым она сановитая,
Станом-тым она становитая,
Красой она красовитая,
У ней кровь-то в лице словно белого зайца?
Было бы то мне-ка ва жить да быть,
Жить да быть, долгий век коротать,
Было бы то вам кому честь отдать,

Да было бы кому поклоняться?»
Тут все за столом-то призамолкнули,
Все за столом приутихнули,
Никто-то тут никакого словечка не вымолвил:
Большой туляется за среднего,
Средний туляется за меньшого,
А от меньшого и отговору нет.
Тут выходил Дунай-то Иванович,
Выходил Дунаюшко из-за печи,
Подходил он к столу да ко дубовому,
Сам он говорит таковы слова:
«Ай же ты, Владимир князь да стольно-киевский!
Как под далече-далече, под сточной¹ той стороны,
У того ли короля да хоробо-лицкого²,
Есть-то у него две дочери,
Две дочери, обы хорошии:
Была бы ти жена да хорошая,
Она ростом была бы высокая,
Саном-тым она да сановитая,
Красотою она красовитая,
У ней кровь-то в лице словно белого зайца;
Было бы тебе с кем жить да быть,
Жить да быть и долги веки коротати,
Было бы нам кому да поклоняться.
Но только большая дочь да мало при доми живет,
Она ездит в поле поляковать;
А меньшая дочи-та всегда при доми;
Меньша-то дочушка Опраксинья,
А большая Настасья королевична». —
«Знал ты, Дунаюшка, повыхвастать,
Дак умей-ко оттуда ю повывезти!
Много ли туды ты силы возьмешь,
Много ли возьмешь да золотой казны?» —
«Не надобно мне силы княженецкой,
Не надобно мне и золотой казны:
Не биться мне там и не ратиться;
Только дай-ко мне во товарищах,
Во товарищах Добрынюшку Никитича,
Еще дай-ко мне двух жеребчиков не езжанных,

Да и два седлышка не держаны,
И две плетички — обы не хлыстаны,
Да пиши-тко ерлыки о добром деле — о сватовстве
На его дочери Опраксиньи
За нашего князя Владимирера».

Тут они седлали-уздали добрых коней,
А поехали ко матушке [к каменной Москвы]
И к хороброй Литвы,
Ко ому ли к королю к хоробро-лицкому,
Да об добром деле — о сватовстве
На его дочери Опраксиньи на королевичной.
Подъехали они ко матушки к хороброй Литвы,
[К хороброй Литвы да к каменной Москве].

Не спрашивал тут Дунаюшка Иванович
Ни предверничков, ни приворотничков,
Размахивал воротца он на пяту,
Ставил-то он коней да среди двора
Не привязанных да не приказанных.
Оставался Добрынюшка среди двора,
Брал он коней да во леву руку,
А во праву дубину сарачинскую.
Тут говорил Дунаюшка Добрынюшке:
«Стой-ко ты, Добрынюшка Никитинец,
И гляди-тко ты на риньгу³ королевскую:
Какова пора да каково время,
Чтобы можно было приухати».

Идет-то Дунаюшко во риньгу королевскую.
Он крест несет по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
А он королю ведет поклон в особину:
«Уж ты здраствуешь, батюшко король да хороброй Литвы!» —
«Ты здраствуешь, Дунаюшко Иванович!
Куда ты едешь, куда путь держишь,
Нас посмотреть, или себя показать,
Показать себя, или нам послужить?» —
«А вас посмотреть, да и себя показать,
Еще другое-то есте больши, —
О добром деле — о сватовстве
На твоей на дочери Опраксиньи

За нашего князя Владимира».
Тут он выкидывал ерлыки на дубов стол;
Тут король ерлыки рассматривает,
Сам он говорит таковы слова:
«Ай жо ты, Дунаюшка Иванович!
Ты бился за безумье за великое:
Как ваш тот князь не велик собой
И ваши-то царищи уродливыи;
Возьму-то я тебя за желты кудры,
Посажу я тебя во глубок погреб:
Пусть-ко Дунай в горобры⁴ погостит, —
Тошто⁵ Дунай объумеется!»
Тут подходил Дунаюшко Иванович
Ко тому столу да ко дубовому,
Здынул-то он руки выше головы,
Допустил он до того стола до дубового:
Питья на столах да проливаются,
Альни стол в щепья приломается,
Альни мать-земля да сколыбається⁶.

.....

Как поехал младый Добрынюшка
От короля от Литовского со княгинею со Опраксией.
И путем-дороженькой была за ними погоня великая.
«Поезжай-ко ты, Добрынюшка Никитинец,
Ко стольному городу ко Киеву,
А я поеду за погонеею великою:
Видно судьба меня ищет, крестовый брателко!»
Тут они простились и поехали.

И наезжал-то младый Дунаюшка на богатыря,
И тут-то оны съехались биться и ратися⁷;
И однако Дунаю и не к суду пришлось:
И сронил поганого татарина со бодра коня.
И упер в него копьем долгомерным во белы груди.
«Ты скажи-тко, поганый татаровин,
Ты коей земли, ты коей орды?»
И говорит татаровин не с упадкою:
«Кабы я был на твоих белых грудях,
И не спрашивал бы твоего роду-племени:

Бил бы тебя вострым мечем,
Вынимал бы сердце со печенью».
А увидал младый Дунаюшко,
Что титечки-то женския:
«И скажи-ко ты, женщина,
Какого ты роду-племени?
Не принимай смерти напрасныя!» —
«Я есть того короля Литовского,
Большая дочи на-старшая⁸,
И не знаю, коли были у нас
Два детины могущия:
Много силушки у нас перебили,
И в дому на ту пору не случилася».
Скочил младый Дунаюшка со добра коня
И взял ее за рученьки за белыя,
Здымал со сырой земли,
Целовал во уста во сахарныя:
«Поедем-ко, моя любезная, во Киев град!»
Садил ее на добра коня,
Отобрал тую палицу булатную и саблю вострую,
И взял добра коня за повод.

И приехали оны ко городу ко Киеву,
Ко солнушку ко Владимиру,
И вдруг оны крестились, и вдруг оны венчались.
И тут-то был великий почестный пир.
И после венца оны разъезжались.
И на почестен пир опять собиралися.
Тут-то младой Дунаюшка порозхвастался:
«Нет-то меня сильнее
И нет-то меня храбрее,
И некому со мной поборотися!»
За тым-то пиром за почестным
Сидела хороша Настасья королевична.
Настасья королевична из хороброй Литвы,
И сама говорит таковы слова:
«Не пустым ли то млад Дунаюшка хвастает?
Возьмем-ко мы тугой лук
И кладем-ко мы колечушко серебряно во чисто поле,
И кладем туда нож вострый,

И стрелим в колечко серебряно,
И по тому ножу вострейному,
Чтобы стрелочки были на половиночках,
И на взгляд ровны, и весом ровны».
Тут Дунаюшко стрелил во колечко серебряно
Той стрелой калёной, —
И не дострелил;
А другой раз стрелил, —
Перестрелил;
Третий раз стрелил, —
И стрелочки найти не могли.
А Настасья королевична стрелила во колечко серебряно, —
И попала во колечко серебряно,
И колола стрелочку калёную на половиночки:
На взгляд ровны и весом ровны.
«Не угодно ли тебе, Дунаюшка, со мной поборотися?» —
Тут сколыбалось его сердце ретивое,
Помутились его очушки ясныя.
Тут говорит Настасья королевична таковы слова:
«Ты прости меня, Дунаюшка,
Во вины да во великыя!
Бей меня плеточкой шелковой
За мою за вину за великую!
У меня есть во череве посеяно два детища
И два сына будет любимых:
Во лбе-то будет светел месяц,
По косицам частыя звездочки,
По локоть рученьки в золоте,
По коленечко ножки во серебре».
Тут-то млад Дунаюшка
Накладывал стрелочку на тугой лук
И стрелил ее во груди во белыя.
Тут-то млад Дунаюшка сколыбалсе:
Вынимал-то детушек со черева,
И увидел детушек — во лбу-то светел месяц,
По косицам частыя звездочки,
По локоть рученьки в золоте,
По коленечко ножки во серебре.
Тут-то млад Дунаюшка

Поставил вострый нож во кирпичный мост,
И пал на него Дунаюшка белыми грудьми,
Со досадушки со великыя:
Тут Дунаю и славу поют.

От Настасьюшки протекала Настасья река,
Река быстрая ко королю Литовскому.
От Дунаюшки протекала Дунай река
Ко городу ко Киеву.
Тут-то они в местечко стекалися,
Тут выросло два деревца кипарисных,
Два деревца вместе сплеталися,
Тут на листах было подписано:
«Таково дело случалосе,
Молодым людям на удивление,
А старым людям на утешеньице».

(От крестьянина Терентия Иевлева, 1861 г., сентября 25)

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 2. - Москва. Народные былины,
старины и побывальщины. - 1862.

1 Восточной.

2 Сокращено из «хоробра Литва».

3 Гридню.

4 В хоробры, т. е. Литвы, Литве. — Изд.

5 Тожно? — Изд.

6 До сих пор со слов Терентия Иевлева, вторая же половина хотя и с его слов, но пересказывал ее той же волости крестьянин Леонтий Богданов.

7 Ратиться. — Изд.

8 Нам-старшая. — Изд.

Читайте также:

[Дунай Иванович \(1\)](#)

[Дунай Иванович \(2\)](#)

[Дунай Иванович \(3\)](#)

[Дунай Иванович \(4\)](#)